

НЕ КАЖДОМУ, пожалуй, дано такое. Прийти в новый коллектив, причем коллектив, прославленный на всю Россию отменными театральными традициями, громкими именами-игравших и работавших здесь мастеров сцены, и сразу же получить центральную роль в едва ли не главном спектакле сезона. С Владимиром Валентиновичем Вихровым такое произошло. Ровно семнадцать лет назад...

— Я сам, — вспоминает теперь В. В. Вихров, — подивился тогдашнему своему «везению». Долго стремиться в труппу Горьковского театра драмы им. М. Горького, жить мечтой сыграть на его сцене любую роль, пусть самую крохотную и малозначащую, и вдруг, буквально «в один присест», тебе предлагают быть и актером этого театра, и играть роль Вронского в спектакле «Анна Каренина».

— Как это произошло!

— Ларчик и в случае со мной открывался просто. Тогдашний главный режиссер театра драмы М. А. Гершт ставил в театре комедии, где я в то время работал, спектакль «Слушается дело о разводе». Я был назначен на главную роль. Видимо, в ходе репетиций, в ходе работы над этой постановкой М. А. Гершт и «разглядел» во мне будущего Вронского.

— Первая большая работа в большом драматическом театре, конечно же, памятна. Наверно, поэтому вам легче будет разглядеть своего Вронского с высоты времени. Каким вы его видели тогда? Изменилось ли ваше отношение к этой давней работе сейчас?

— Признаться, я встретил тогда сложность невероятные. Ведь никогда до этого ничего подобного играть не доводилось. Я представлял своего Вронского блестящим, импозантным офицером, умеющим отлично держаться и носить костюм, наконец, «носить» себя в этом костюме. Доведись мне в эти дни выйти на сцену в облике Вронского, я бы, наверно, попытался поглубже «копнуть» этого героя изнутри, попробовал бы разобраться в природе, характере его чувства, его мировоззрения... Да и вообще весь наш тогдашний спектакль мне видится сегодня другим — менее «костюмным» и холодным, более толстовским, более зрелым, изощренным по мысли. Не примите это мое суждение за мнение последней инстанции. Такова уж в сущности «конституция» человека, актера, художника в первую очередь, что он все время подвергает ревизии свои поступки и дела, тезисы, мысли и даже... целые гипотезы, открытия. Завтра это видится ему по-другому, чем сегодня, не говоря уже о старом, добром, но — увы! — архаичном вчерашнем.

— С чего начался Вихров-актер! И почему именно актер!

— Судьба моя профессиональная могла сложиться так, что я мог бы и не стать актером. Все вроде бы шло к этому. Я, как, кстати, и мои това-

ГЛАВНОЕ-ПУЛЬС ЗАЛА

рищи, друзья по сцене, нелегкой театральной работе — А. Белокринкин, Л. Беляевский, О. Треймут, М. Мараш, — спокойно учился себе в авиационном техникуме, более того, успешно кончил его, начал уже работать по избранной специальности на заводе. И тут только поняли, что театр нас влечет к себе больше, чем авиатехника. Надо оговориться, дело не обошлось без благотворного, направленного влияния такого прекрасного педагога, каким был и остается для нас заслуженный учитель школы РСФСР Николай Николаевич Хрулев (он тогда работал в авиационном техникуме). Можно вспомнить и мать — большую театралку, активную участницу театральной самодеятельности, атмосферу репетиций в кружке, которые вел корифей русского театра, красивый, как казалось, всезнающий и всемогущий Павел Дмитриевич Муромцев... Словом, кончилось все это тем, что мы ушли с завода, подали заявления в возобновившее тогда работу Горьковское театральное училище (второй послевоенный поток), кончили его... Потом — годы работы в ТЮЗе, в театре комедии, наконец, я — актер академического театра драмы им. М. Горького.

— Владимир Валентинович, долгое время в зрительских кругах, да и в критике дебатировалось суждение о двух ваших «театральных лицах».

Одним вы больше нравились как герой, другим памятнее оказались ваши работы в ролях характерного плана. Как вы сами к этим спорам относитесь? Что в вас как в актере в конце концов возобладало!

— Это началось еще в училище. Помню, уже после первого года обучения меня вызвал к себе наш руководитель курса (кстати, очень много давший мне в понимании тайн и особенностей актерской профессии), теперь — народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии им. К. С. Станиславского Николай Александрович Левкоев и сказал без обиняков: «Внешность у вас «героя», но по психофизическим данным вы — характерный актер... Готовьтесь и остерегайтесь — в будущей профессиональной работе вас будут тянуть на «героя». Слова его оказались пророческими: меня действительно очень долго и настойчиво тянуло на «героя». Если бы вы знали, сколько крови мне это «геройство» стоило. Приходилось из-за этого играть много голубых, непроработанных ролей. К тому же одноплановый характер работы мешал моему профессиональному росту, сковывал мои возможности и желания. Как праздник души и сердца воспринимал роли другой стиливой породы. Скажем, до сих пор с удовольствием вспоминаю своего Митрофанушку из фонвизинского «Недоросля», Петра

Бессеменова в даансой тюзовской постановке «Мещан» М. Горького. Позднее, уже на сцене театра драмы, положение выправилось. Мне стали предлагать роли самые разные, порой даже «противоположные» по своему звучанию и характеру: грибоедовский Чацкий и Глумов из «На всякого мудреца довольно простоты» А. Н. Островского, Егор Королев («Верхом на дельфине» Л. Жуховицкого) и Константин Шумов из софроневского «Наследства», князь Дмитрий Пожарский («Царевна-лебедь» И. Сельвинского) и горьковский Барон... Актером, начинающим работать в театре сегодня, легче самовыявить себя, обнаружить заложенные, «спрятанные» в нем до поры до времени возможности, особенности дарования. Театр отказался от привычного в годы моей профессиональной юности разделения актеров на «амплуа», и это, думается, дало мгновенную отдачу — обогатило его творческую жизнь, характер его спектаклей... Ну, а в споре зрителей и критиков я стою за многообразие «лиц» Вихрова-актера. Чем больше будет этих лиц, тем лучше, тем больше Вихров сумеет и успеет сказать зрителю. Одно только условие хотелось бы оставить неизменным (тот случай, когда постоянство не вредит!): чтобы роли, которые дает мне актерская судьба, были большого гражданского и художествен-

ного звучания. — Вы играли — и не раз — в пьесах М. Горького, А. Островского, А. Грибоедова, А. Чехова. Что это дало вам как актеру! В чем вы усматриваете непреходящее значение классики, ее вечную молодость и актуальность!

— Классика — я в этом убежден — всегда современна. Это, что называется, драматургия на все времена. Мой личный опыт общения с ролями мировой классической драматургии (а значение этой школы для становления актерского мастерства трудно переоценить) говорит о том, что самое интересное наступает в тот момент, когда в созданный тобой образ приходят новые штрихи и грани, не разрушающие прежней твоей концепции, а углубляющие, развивающие ее. Так в сущности происходило со многими моими ролями классического репертуара. Но, пожалуй, наиболее наглядны эти перемены в случае с горьковским Бароном. «На дне» — спектакль-долгожитель. Более десяти лет он держится в репертуаре нашего театра. Столь длительный для театральных постановок срок эксплуатации, конечно же, наложил свой отпечаток на спектакль. Изменился и мой Барон, изменился прежде всего внутренне. Раньше я заботился о грассировании, перчатках и других внешних приметах этого образа. Сейчас для меня важнее нравственный урок, который мой Барон дает сегодняшнему зрителю. Суть его (кстати, очень актуальная!) в несбывшейся, нематериализованной мечте Барона, жизни, разменной им на пустяки, точнее — загубленной, в его беспринципности и безволии, приведших его в конце концов к духовному распаду, нравственной смерти. Мой Барон в этом смысле образ-предостережение, своеобразная «модель» того, как не надо жить, как важно не потерять себя в соблазнах и мишуре моря житейского.

— Если бы в торжественный день 50-летия вам дали бы право в качестве дара выбрать для себя любимую роль, какую бы вы взяли, Владимир Валентинович!

— Пожелание мое скромно. Хотелось, чтобы и с образами современников мне повезло так же, как и с ролями классическими. Мы с нетерпением ждем от сегодняшних драматургов ролей масштаба и плана Чацкого, Глумова, Барона. Подступы, предпосылки к тому есть: скажем, многое обещает шукшинская «театральная проза», ряд интересных заявок «производственной драматургии», вапмпиловские идеи и образы. Пусть поисков таких будет как можно больше. А мы, актеры, постараемся возможно бережнее донести их до зрителя.

— Спасибо, Владимир Валентинович, за интересную беседу. Новых вам удач на горьковской академической сцене.

Беседу вел
Г. КОСОЛАПОВ.
НА СНИМКАХ: В. В. Вихров в ролях Вронского и Барона.
Фото Р. Богданова.